
Ника Светлова
Держи меня за руку
(я уже умер)

Ника Светлова

Держи меня за руку (я уже умер)

«Автор»
2026

Светлова Н.

Держи меня за руку (я уже умер) / Н. Светлова — «Автор», 2026

Я умер. Это не страшно — страшно другое. Здесь нет тоннеля и света в конце. Остаётся только звук. То, чем ты был на самом деле.Алиса, я не хотел, чтобы последним словом было «транжира». Я хотел сказать, что боялся за нас, за тебя, за то, что не успею сделать вас счастливыми. Просто не умел.Варька, я помню твои колготки. Розовые, в рубчик. Ты носила их, даже когда было жарко. Альбом для рисования я так и не купил. Прости меня.Я пока не знаю, кто я теперь. Но, кажется, это только начало.

© Светлова Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Тьма (где исчезает всё, кроме звука) 5
Часть вторая. Имена (когда помнишь только то, что выбрал 6
Часть третья. Архив (где ждут те, кто сжёг всё, что любил) 8
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Ника Светлова
Держи меня за руку (я уже умер)

Часть первая. Тьма (где исчезает всё, кроме звука)

Он не понял, что умер, когда это случилось.

Просто стало темно, как будто кто-то вырубил рубильник, а ты даже не успел сказать «подожди».

— Давление падает!

— Ток!

Разряд.

Тело дёрнулось. Он увидел сверху свои руки скрюченные, чужие. Его били током, а он просто вибрировал, как перетянутая струна.

Ещё разряд.

Он висел под потолком. Мешался. Был как муха на белой плитке. Смотрел, как маленькие люди в зелёных бахилах колотят его тело. Слышал запахи новой пустотой. Озон. Жжёное. И мокрая ржавчина. Он никогда не знал, что страх так пахнет.

«А я думал, тоннель будет. И свет в конце. Ну хоть какой-то».

Не было ни тоннеля, ни света.

— Есть пульс! — крикнул хирург.

Алексей выдохнул. Пульс есть — хорошо. Значит, сейчас очнётся, скажет что-нибудь идиотское и пойдёт курить. Но он не вернулся. Тело дышало, монитор пищал, а он висел под потолком и с каждой секундой понимал: это не обморок. Не глюк.

«Я умер. Я реально умер».

Мир пошёл рябью. Операционная стала водой, в которую бросили камень. Врачи выцвели, стали бесцветными. Мониторы, лампы, всё потеряло плотность. Остался только он, тишина и тупое жужжание, как в трансформаторной будке.

Он не испугался сразу. Сначала подумал: «Ну и чёрт с ним, посплю». Потом накрыло.

— У меня дочка! Варька! Ей восемь! Я обещал ей щенка! Я не успел!

Тишина молчала. Просто молчала.

— Алиса! Жена! Мы поругались! Я сказал, что она транжира! Я не извинился!

Тишина даже не шелохнулась.

— Я не хочу умирать! — заорал он без голоса. Внутри всё дрожало, там, где раньше было сердце. — Я просто не хочу, чтобы последним было «транжира». Это же глупо. Это же пошлость. Смешно же.

И тишина ответила. Не голосом. Просто пришло чувство, вязкое, как сироп:

«Ты уже всё сказал. Каждый день. Когда молчал за завтраком. Когда гладил её по голове. Ты говорил всё время. Просто не замечал».

Он замолчал. Вспомнил: она стоит у плиты в старой футболке. Он хотел подойти, обнять, но вместо этого сказал: «Что мы будем есть? Опять яичница?» И она ответила: «Не хочешь — не ешь». И он съел. И она съела. И они молчали.

— Это нечестно.

«Честно. Это просто правда».

Его потянуло. Не вверх, не вниз — куда-то в сторону. Туда, где не было стен. Где всё кончалось. Он провалился сквозь плитку, бетон, фундамент. В темноту, в которой не было даже намёка на звук.

Часть вторая. Имена (когда помнишь только то, что выбрал

Тьма была как дно океана.

Он ещё держался. Сначала. Это важно. Сначала он ещё держался.

Варька. Её первое «папа», сказанное с кашей во рту. Как он нёс её на плечах, а она дёргала его за волосы. Больно, но он терпел, её смех стоил любой боли. Как она ревела, когда он уезжал в командировку. И среди этих воспоминаний вдруг всплыла ерунда: её колготки. Ярко-розовые, в рубчик. Почему-то именно они держали его на плаву.

А потом он вспомнил про альбом для рисования. Она просила неделю. Он говорил «завтра». И вот теперь это завтра никогда не наступит.

— Я не хочу забывать. Пожалуйста. Я хотя бы их лица хочу сохранить.

Но тьма не слушала. Она принялась разбирать его на части.

Сначала ушло имя. Он повторял его как мантру. Алексей. Алексей. Алек... На четвёртом повторе язык запнулся. Слово стало чужим, будто название города, в котором никогда не был. Он испугался не того, что забыл, а того, что имя перестало что-то значить. Что он сам без него просто пустота.

Потом ушли лица. Помнил, что любил женщину, но не помнил её смех. Помнил, что была дочь, но не помнил родинку на щеке. Была? Кажется, была. Помнил кота, толстого, рыжего, который вечно спал на его куртке. Но как звали? Барсик? Мурзик? Чёрт.

А потом самое страшное. Попытался вспомнить цвет глаз Вари. Зелёные? Карие? Серые? Закрыл глаза и увидел только темноту. Он знал, что любит её. Но какой она была уже не помнил.

Он закричал внутри, без голоса. Пытался удержать лица, как воду в решете. Алиса. Варя. Он не знал, как они выглядят. Знал только, что они были. И этого знания становилось всё меньше.

Потом ушли чувства. Боль ушла первой. Потом обида. Потом радость. Потом любовь. Он не заметил, как они исчезли. Просто становился легче. Прозрачнее.

И в какой-то момент от него остался только звук.

Не один. Несколько. Они звучали вместе.

Верхняя нота громкая, почти навязчивая. Верность. Дурацкая, нелепая верность тем же людям, с которыми он ругался, которых раздражал, которые раздражали его.

Ниже глухой, ровный бас. Долг. Всё, что он делал не потому что хотел, а потому что надо.

Ещё ниже почти скрытая нота, которую он сам глушил. Нежность. Она была, но он прятал её за молчанием, за ворчанием. Стыдился.

И сверху тонкий, пронзительный обертон. Страх. Высокий, как комариный писк. Страх, что он недостаточный. Что они уйдут. Что он подведёт. Тот самый страх, который он прятал за словами «транжира» и «яичница».

Звук. И это был он. Не Алексей. Не муж. Верность на басу долга, с комариным писком страха и чуть слышной нежностью.

И когда он это понял, звук засветился.

Тьма расступилась. Он увидел себя. Маленький, мутный, золотистый сгусток. Корявое свечение, как старый ночник, который вот-вот перегорит.

«Это я. Неужели я — вот это?»

И в этот момент он перестал быть Алексеем. Остался только свет. Тусклый, измученный, дрожащий на грани.

Она не знала, что он умер.

Сидела на кухне и смотрела на телефон. Он не звонил. Она тоже не звонила. После ссоры всегда так, день молчания, потом он скажет что-нибудь обычное типа «хлеб купить?» или «я сегодня поздно», и всё пройдёт. Так было пятнадцать лет.

Алиса. Вечер (пока он умирал, она ждала)

На плите стыла яичница. Она приготовила две порции по привычке. Одну съела. Вторая так и осталась.

Варя спала. В комнате было тихо. Только холодильник гудел с перебоями, будто кашлял.

Алиса подошла к окну. За стеклом шёл снег. Крупный, липкий. Она подумала: «Завтра помиримся. Завтра обязательно. Скажу прости. Он скажет прости. И всё».

Потушила свет и легла. Не могла уснуть. Не потому что ждала беды. Просто без него было слишком тихо.

Часть третья. Архив (где ждут те, кто сжёг всё, что любил)

Пространство колыхнулось.

Кто-то коснулся его: «Новый. Держался долго. Устал. Мы ждали».

Он оглянулся. Рядом висели другие.

Красный — как уголёк. В его голосе треск костра.

Синий — как дым. От него тянуло холодом и ещё чем-то, как от человека, который долго молчал, а потом сказал главное.

Зелёный — как плесень на старом дереве. Молчал и смотрел. От него пахло терпением.

Серебряный — как ложка, отполированная до зеркала.

И Прозрачный — почти невидимый, как вода.

Они смотрели без удивления, будто ждали его минут двадцать, не больше.

Красный коснулся его сухо, как горячий песок. На секунду из глубины выплыло: «Я сжёг всё, что любил. Пожар. Не успел вытащить. Теперь я здесь». И сразу, без паузы:

«Долго держался. Дольше, чем большинство. И аккорд сохранил. Редко».

— Я не хотел забывать. Я любил их.

Синий медленно подплыл. «Ты говоришь с ней? С женой? Сейчас? Нет? А она слышит. Они всегда слышат». Он не угрожал, не утешал, просто знал. И в этом знании была такая старая печаль, что Золотой на секунду потерял дыхание.

«Поэтому ты золотой. Тоника сильна. Но и остальное не исчезло, оно просто выстроилось вокруг, слышишь?»

Он посмотрел на себя. Мутный, некрасивый. Бас долга отозвался низким гулом. Обертон страха звякнул тонко, противно. Нежность тлела глубоко и не гасла.

— Некрасиво. И что теперь?

«Отдыхай. А потом Архив, выбирать следующую жизнь».

— Следующую? Я только что...

«Ты только что закончил одну. Их будут тысячи, пока аккорд не очистится. Пока обертоны не сольются с тоникой. Пока не уйдёшь в Источник».

— Источник?

«То, что люди называют Светом. Но Свет — это не место. Это ткань, из которой соткано всё».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.